

ФЛИЕР АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ И ШКОЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются основные отечественные исследовательские парадигмы и научные школы, посвящённые общему анализу теории культуры и её параметров. Выявляются доминантные определения самой культуры, её значений и функций, объяснительные модели свойств культуры, присущие этим институциям, а также описывается общая значимость исследовательских парадигм и научных школ в процессах познания. Всего выявлено шесть исследовательских парадигм и десять научных школ, связанных с общей теорией культуры и её локальными интерпретациями.

Ключевые слова: культура, исследовательские парадигмы, научные школы, теория культуры, культурный продукт, деятельность, традиция, социальное поведение, конфликт, самоопределение, история культурологии, «прикладное» использование знаний о культуре, культура как история народов, смыслогенез.

Keywords: culture, research paradigms, scientific schools, cultural theory, cultural product, activity, tradition, social behaviour, conflict, self-determination, history of culturology, the “applied” use of cultural knowledge, culture as the history of peoples, semanticogenesis.

Исследования культуры с середины XX века получили широкое распространение по всему миру, и отечественная культурология является одной из национальных институций этого направления. Рассматриваемые в настоящей статье научные парадигмы и объяснительные модели имеют распространение во всей мировой науке о культуре. Однако данная статья посвящена описанию научных школ анализа теории культуры именно отечественной культурологии и не касается мировых тенденций. Иные направления культурологии (история культуры, прикладная культурология, культурная политика, культурологическая педагогика и др.) здесь не рассматриваются.

Часто используемые в статье понятия «научная школа» и «исследовательская парадигма» весьма условны. В узком смысле научной школой являются учитель и его ученики. Но упоминаемые здесь учёные в большинстве своём не являются учениками друг друга, хотя, как правило, лично хорошо знакомы, постоянно общаются и обмениваются мнениями по тому или иному научному поводу. Этому в большой мере посвящены научные конференции.

Теория культуры — это довольно сложная, противоречивая, но очень важная компонента современного научного знания. Ибо именно особенностями локальной культуры сейчас принято объяснять многие вопросы устройства и существования человеческого общества в разные периоды его истории [50]. Справедливо это или нет, покажет только время. Но, так или иначе, теория культуры является сейчас очень важной объяснительной составляющей в общественных науках.

Ситуация осложняется тем, что в современной науке ещё не преодолен широчайший разброс в интерпретации самого базового понятия «культура». Здесь расхождение в трактовках варьируется от максимально широкого понимания (как, например, у автора этой статьи [см.: 50], у которого культура — это *вся совокупность форм социальной жизни*) до максимально узкого (как, например, у Н. А. Хренова [см.: 52], который пишет слово «культура», но имеет в виду (контекстуально) преимущественно только искусство, в лучшем случае отражающее некоторые формы социальной жизни, и у него есть основания для такой локализации). Между этими крайностями располагается столько разных трактовок, сколько учёных и педагогов считают себя культурологами.

Исследователи теории культуры группируются здесь по следующим принципам: во-первых, учёные, объединённые единым пониманием сущности изучаемого предмета (теоретических оснований культуры), что понимается здесь как группа, ориентированная на одну *исследовательскую парадигму*, и, во-вторых, учёные, придерживающиеся единой объяснительной модели специфики предмета, что назва-

но здесь научной школой. В большинстве случаев такое единство взглядов связано с прямым или опосредованным влиянием учёных друг на друга (что позволяет называть такое единство *научной школой*), хотя в некоторых случаях, конечно, имеет место и случайное совпадение научных позиций разных исследователей.

Нельзя сказать, что вся культурология как отрасль науки покрыта сетью научных школ. Научные школы — это скорее исключения в общем организационном строе отрасли. И большинство учёных — членов той или иной научной школы (включая и идейных лидеров некоторых школ) — принадлежит к соответствующей школе лишь частью своего научного творчества, оставаясь в остальном независимыми исследователями. Ведь научная школа — это неформальное объединение. Это скорее союз единомышленников. И вполне естественно, что каждый участник такого союза входит в него лишь частью своих научных интересов, при свободном развитии остальных.

Какую роль играют исследовательские парадигмы и научные школы в современных познавательных процессах? По большому счёту они — лишь частные случаи познания того или иного предмета. Они выделяют лишь один аспект изучаемого предмета, условно оставляя за рамками анализа все иные аспекты. Всеобъемлющее знание о предмете возможно лишь при суммировании знаний всех исследовательских парадигм и научных школ.

Вместе с тем такое обуживание поля познания, которое характерно для исследовательских парадигм и научных школ, даёт возможность существенно углубить знание науки о выделенном аспекте предмета. Чем более узко поле исследований, тем глубже проникновение учёного в сущность предмета и тем выше вероятность открытия чего-то принципиально нового. Можно сказать, что научные школы — это разведывательные группы, проникающие вглубь расположения противника (изучаемого предмета, в данном случае — культуры) и добывающие ценную информацию, позволяющую дальше вести познание по всему фронту.

Важно понимать, что наука не работает вслепую. Как правило, учёный знает, что он ищет и где это следует искать. Здесь уже большую роль играют научная интуиция и наработанный опыт каждого учёного, развивающийся с годами. Так что важность исследовательских парадигм и научных школ в общем процессе познания культуры трудно переоценить. Основная масса научных открытий (или интеллектуальных прорывов, как в случае с изучением теории культуры) приходится именно на работу научных школ.

Соперничество между разными научными и философскими концепциями понимания культуры имеет место уже давно. Конечно, это сугубо внутринаучная проблема, непосредственно не влияющая на жизнь людей. Но доми-

нирование какой-либо концепции понимания культуры, так или иначе, влияет на культурную политику государства, а она уже определяет вектор и пути культурного развития общества. Соломоново решение тут в том, что требуется не выбор какой-то одной из соперничающих концепций, а суммирование основных положений всех их. Но это уже самостоятельная научная задача, которую никто не решает, ибо на это нет социального заказа, поскольку вся государственная культурная политика до сих пор не строится на каких-либо системных научных основаниях.

Здесь рассматриваются те исследовательские парадигмы теоретической культурологии, которые сейчас имеют наибольшее влияние на развитие отечественных наук о культуре и лежат в основе научных дискуссий среди культурологов, которые постоянно ведутся на страницах периодических изданий.

* * *

Первой отечественной исследовательской парадигмой анализа теории культуры, которая активно используется в культурологии, можно считать так называемую деятельностную парадигму, которую по наиболее известным её идеологам можно назвать парадигмой Кагана — Маркаряна. Суть этой парадигмы понимания сущности культуры заключается в интерпретации культуры как *продукта человеческой деятельности*, что основывается на книге М. С. Кагана «Человеческая деятельность» [18], трактующей культуру именно как продукт (результат) человеческой целенаправленной деятельности. Эта точка зрения является наиболее распространённой в отечественной культурологии и всей гуманитарной науке, и под её влиянием в своё время находились все учёные, даже те, кто со временем обратился к иному пониманию культуры. В рамках этой парадигмы можно выделить три научные школы.

Первая — это школа самого М. С. Кагана, трактующая функцию культуры как *удовлетворяющую социальные интересы и потребности человека* (в том числе интеллектуальные и эстетические). Определённое всего такая трактовка выражена в работах самого Кагана [17], в разработках по социологии культуры, например в учебных пособиях Л. Г. Ионина [15] и Э. А. Орловой [36], в исследованиях В. И. Ионесова о культурных смыслах повседневных вещей [14], в работах по теории художественной культуры, например, у Н. А. Хренова [52] и К. Э. Разлогова [43].

Другой научной школой деятельностной исследовательской парадигмы является вторая школа М. С. Кагана, сложившаяся уже под конец его жизни. Её можно назвать синергетической, поскольку она рассматривает историю культуры как *процесс её формальной и содержательной самоорганизации и саморазвития* и опирается на многие

положения естественнонаучной синергетики. Такой подход был изложен самим Каганом в его последней книге [16], а также в работах его последователей (например, О. Н. Астафьевой [1], В. В. Васильковой [5] и др.). Сейчас эту школу фактически возглавляет О. Н. Астафьева (и школу можно назвать именами Кагана — Астафьевой), успешно применяющая разные синергетические принципы для анализа научных оснований культурной политики [2; 3].

В своё время и автор этой статьи написал свою первую книгу «Культурогенез» и докторскую диссертацию «Структура и динамика культурогенетических процессов» [48; 49] именно под влиянием культурно-синергетических взглядов М. С. Кагана, применённых к анализу исторических начал культуры.

Третья школа — это школа основателя российской научной культурологии Э. С. Маркаряна, во многом разделявшего взгляды Кагана на сущность культуры. В понимании этой школы основным наиболее значимым свойством культуры является манифестация ею *национальной культурной традиции* какого-либо народа. Маркаряном даже был предложен термин «традициология», непонятно, как сочетаемый с культурологией. Эта трактовка явлена в трудах самого Маркаряна [31; 32], в работах культурного антрополога С. В. Лурье [28] и иных специалистов по традиции (например, И. Н. Полонской [40] и А. В. Захарова [10]), а также в многочисленных трудах по теории цивилизаций [9; 54; 42].

Вторую, принципиально иную, «поведенческую» исследовательскую парадигму можно назвать по именам её главных идеологов парадигмой Орловой — Флиера. Она постулирует понимание культуры как *совокупности стереотипов поведения и сознания человека*. Это основывается в большой мере на работе Дж. Мида «Разум, Я и общество (точка зрения социального бихевиориста)» [33], как, впрочем, и на всём «символическом интеракционизме» (хотя и Орлова, и Флиер в целом относятся скорее к структурно-функциональной методологии изучения общества и культуры, являются продолжателями взглядов Б. Малиновского и Т. Парсонса [7]). Здесь следует отметить принципиальное отличие деятельности от поведения, заключающееся в том, что деятельность производит какую-то социально востребованную продукцию, а поведение отражается преимущественно на межличностных отношениях, то есть является частью социальной коммуникации. Наша устная речь — это продукт деятельности или стереотип социального поведения? Эта парадигма в большей мере сосредоточена на анализе социальной обусловленности культуры и в меньшей — на её национальной, религиозной, художественной и прочей обусловленности. В рамках этой исследовательской парадигмы также можно выделить три научные школы.

Первая — это научная школа самой Э. А. Орловой, основанная на понимании основной функции этих стереотипов поведения и сознания, *предотвращающих или разрешающих социальные конфликты*. Это понимание нашло отражение как в работах самой Орловой [34; 35], так и в исследованиях Е. Н. Шапинской, посвящённых отношениям Я и Другого [53], статьях М. А. Полетаевой о стратегиях межкультурных взаимодействий [39] и некоторых иных.

Вторая научная школа в рамках этой исследовательской парадигмы — это школа ученика Э. А. Орловой А. Я. Флиера, трактующая совокупность стереотипов поведения и сознания как *инструмент самоопределения личности в социальном окружении*. Эта трактовка получила отражение в исследованиях по идентичности, например, И. В. Малыгиной [29] и Е. Э. Суровой [45], по социокультурным психологическим типам А. В. Костиной [26], по различным социальным ролям человека в обществе О. И. Горяиновой [6], а также в исследованиях самого Флиера по вопросам сопряжённости человека и культуры, ролей человека в «спектакле культуры» и символике социальной престижности [51; 46]. Это направление, пожалуй, сегодня является основным воплощением развития научной мысли в рамках поведенческой парадигмы исследований теории культуры.

И третья научная школа в рамках этой исследовательской парадигмы — это научная школа А. В. Костиной, которая акцентирует внимание на *социальной типологии культур* — народной, элитарной, массовой, — основывающейся на стереотипах поведения и сознания их адептов. В 2009 году Костина и Флиер написали совместную работу «Тернарная функциональная модель культуры» [24], в основание которой положены гипотеза А. В. Костиной о том, что создатели и потребители этих трёх культур различаются типами своей психологии, моделями социального поведения и осознанием собственной социальной роли, и гипотеза А. Я. Флиера о том, что эти три культуры концентрируют в себе три разных способа адаптации к внешним условиям существования и используют три разных языка трансляции социального опыта. Обе описанные гипотезы органично сошлись в совместном исследовании и показали перспективность этого направления. Среди работ этой школы прежде всего значимы работы самой А. В. Костиной [25] и некоторых её единомышленников [23; 24].

Третья науковедческая парадигма исследований и одновременно научная школа теории культуры — школа С. Н. Иконниковой, которая специфична повышенным вниманием к *истории культурологической науки и биографиям самих культурологов* [12; 13]. Хотя здесь основной акцент делается не на самой культуре, а на методологии её исследования, это можно трактовать и как самостоятельное направление культурологии, несомненно, относящееся

к общей теории культуры, поскольку рассматривает сам процесс становления научного знания о культуре.

Четвёртая исследовательская парадигма — прикладная, которую также можно считать отдельной научной школой, — школа И. М. Быховской, представляющая собой также самостоятельное направление культурологии, стремящееся обозначить *точки применения фундаментального научного знания о культуре в практической, прикладной культурной работе*. Этот подход получил отражение как в трудах самой Быховской [4; 41], так и в работах её единомышленников. Здесь тоже предметом исследования является не сама культура, а способы её применения в социальной практике, что тоже очень актуально в современных условиях. Этим косвенным касанием культуры школы Иконниковой и Быховской отличаются от школ Кагана и Орловой и их последователей, сосредоточенных именно на самой культуре и её органических свойствах.

Пятая исследовательская парадигма — историческая — также одновременно является научной школой И. В. Кондакова и акцентирована на понимании специфики культуры, формируемой *историей тех народов, которым данные локальные культуры принадлежат*. Здесь уже мы видим возвращение к культуре как таковой и динамике её формирования. Подобной направленности исследований придерживается множество учёных — историков культуры — в описании различных культур, но теоретическое изложение проблемы принадлежит именно Кондакову [20; 22]. Следует сказать, что и ряд апологетов теории цивилизации в объёмных разделах своих исследований явно тяготеют к этой исторической парадигме анализа теории культуры и взглядам И. В. Кондакова. В соответствии с положениями данной научной школы и автор этой статьи написал в своё время немало научных работ, рассматривающих эволюцию форм решения какой-либо социальной проблемы (потребности) в последовательности разных эпох истории и под влиянием их условий [47].

И, наконец, шестая исследовательская парадигма — когнитивная — связана с научным творчеством А. А. Пелипенко, которое тоже можно определить как сложившуюся авторскую научную школу. Здесь культура рассматривается как *система порождения социальных смыслов человеческого бытия*. Этот сложный подход, являющийся собственно внутрикультурным и отражающим, возможно, самую важную функцию культуры, наиболее полно отражён в трудах самого А. А. Пелипенко [37; 38] и некоторых его последователей. Здесь уже культурные формы выступают не символами, различающими продукты человеческой деятельности между собой (как у Кагана и Маркаряна), не набором норм, регулирующих поведение и взаимодействие людей между собой (как у Орловой и Флиера) и не продуктом истории тех или

иных народов (как у Кондакова), а отражением социальных смыслов различных аспектов человеческого бытия. Это представляется новым качественным уровнем понимания культуры, предвидением культурологии завтрашнего дня.

К самостоятельным парадигмам исследования теории культуры можно отнести и такие направления наук о культуре, как семиотическая теория культуры: это работы Ю. М. Лотмана [26], В. В. Иванова и В. Н. Топорова [11] и других, и информационная теория культуры: это работы В. И. Грачёва [8], К. К. Колина и А. Д. Урсула [19], однако их рассмотрение мы оставим для более компетентных специалистов в этих сферах знания.

Особый случай представляют труды философов культуры: В. С. Стёпина, В. М. Межуева, П. С. Гуревича, В. М. Розина, С. С. Неретиной, Г. В. Драча, Б. В. Маркова и других. Их взгляды, несомненно, относятся к теории культуры, но вписать их в выстроенную схему исследовательских парадигм и научных школ совсем не просто. Дело в том, что философы рассматривают культуру не столько как самодостаточное явление, сколько в более широком мировоззренческом контексте, и их взгляды далеко не всегда совпадают со взглядами учёных-предметников. Поэтому я не рискну вписывать взгляды философов в предлагаемую схему исследовательских парадигм и научных школ, а оставляю решение этой задачи самим философам.

Ещё раз повторю, что принадлежность учёного к той или иной научной школе вовсе не исчерпывает тематику его научного творчества, а является лишь его частью. Но, как правило, это наиважнейшая часть научных трудов этого учёного, с которой связаны его наибольшие профессиональные достижения.

Интересно, что ряд апологетов и даже лидеров некоторых рассмотренных выше научных школ, расходясь в оценках по одним вопросам, совпадают в своих взглядах на культуру в других. Очень показателен пример совпадения взглядов А. Я. Флиера и И. В. Кондакова на «биологическое» происхождение культуры, эволюционировавшей из социального поведения животных [50; 21]. При этом Э. С. Маркарян и В. С. Стёпин занимают в данном вопросе диаметрально

противоположную позицию, определяя культуру как «над-биологическую программу» [30; 44].

Естественно, что разное понимание сущности культуры корифеями разных научных школ ведёт и к разному объяснению, например, своеобразия форм той или иной локальной культуры. Скажем, если Маркарян считал это своеобразие результатом естественного развития потенциалов, заложенных в каждую локальную культуру при её генезисе, то Кондаков видит в ней системную композицию разных форм, обретенных / порождённых данной культурой в ходе её истории, а Флиер считает, что это ситуативное и хаотичное смешение автохтонных и заимствованных форм, возможно, в какой-то мере и идеологически актуальное для их современников, зато потомками произвольно мифологизированное и абсолютизированное как главная черта своеобразия культуры данного народа.

Вместе с тем далеко не все видные учёные-культурологи являются апологетами каких-либо исследовательских парадигм и научных школ. Такие корифеи культурологии, как Г. А. Аванесова, Н. Г. Багдасарьян, Г. И. Зверева, Н. Б. Кириллова, Н. П. Копцева, Л. К. Круглова, Т. Ф. Кузнецова, В. А. Луков, Н. А. Хренов, И. Г. Яковенко и другие, не принадлежат к каким-то явным исследовательским парадигмам и научным школам. Правда, в списках их исследований работы по теории культуры занимают далеко не ведущее место (а часто таковых просто нет); вопросов общей теории культуры они касаются мельком, и им нет нужды участвовать в дискуссиях теоретиков. При необходимости они обращаются к той или иной теоретической парадигме, но в разных случаях к разным. Впрочем, и большинство из перечисленных выше апологетов тех или иных научных школ в текстах, непосредственно не касающихся предметов их исследований, обычно проявляют абсолютную толерантность к иным научным парадигмам познания. И это правильно. Объёмное представление о культуре складывается из знания всех школ, что является прерогативой скорее философов культуры, чем культурологов-предметников. Как и на войне. Не всем же ходить в разведку. Кто-то должен и фронт держать...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Астафьева, О. Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы / О. Н. Астафьева. — Москва : Изд-во Моск. гос. ин-та делового администрирования, 2002. — 295 с.
2. Астафьева, О. Н. Стратегия устойчивого развития в культурной политике российских регионов / О. Н. Астафьева // Мир русскоговорящих стран. — 2019. — № 1 (1). — С. 43–51.
3. Астафьева, О. Н. Теория самоорганизации как концептуальное основание культурной политики: проблемы теоретической культурологии / О. Н. Астафьева // Вопросы культурологии. — 2006. — № 12. — С. 18–27.
4. Быховская, И. М. Прикладная культурология: потенциальное vs актуальное / И. М. Быховская // Обсерватория культуры. — 2011. — № 4. — С. 4–12.
5. Василькова, В. В. Синергетика и архетипические коды социальной самоорганизации / В. В. Василькова // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. — Москва, 2002. — С. 247–262.
6. Горяинова, О. И. Диалектика социализации: миф и культурный сценарий / О. И. Горяинова // Власть. — 2013. — Т. 21, № 1. — С. 72–75.
7. Горяинова, О. И. Структурный функционализм / О. И. Горяи-

- нова // Прикладная культурология : энциклопедия / под ред. И. М. Быховской. — Москва, 2019. — С. 98–108.
8. Грачёв, В. И. Коммуникации — ценности — культура : (опыт информ.-аксиологического анализа) / В. И. Грачёв. — Санкт-Петербург : Астерион, 2006. — 247 с.
  9. Ерасов, Б. С. Цивилизации : Универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов ; Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — Москва : Наука, 2002. — 522 с.
  10. Захаров, А. В. Традиционная культура в современном обществе / А. В. Захаров // Социол. исслед. — 2004. — № 7. — С. 105–115.
  11. Иванов, В. В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы : (древний период) / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения. — Москва : Наука, 1965. — 245 с.
  12. Ионникова, С. Н. Биографика как часть исторической культурологии / С. Н. Ионникова // Вестн. С.-Петерб. института культуры. — 2012. — № 2. — С. 6–10.
  13. Ионникова, С. Н. Контуры и перспективы исторической культурологии / С. Н. Ионникова // Вестн. С.-Петерб. института культуры. — 2012. — № 1. — С. 6–14.
  14. Ионесов, В. И. Вещи в пространстве культуры: предметы, меняющие мир / В. И. Ионесов // Креативная экономика и социальные инновации. — 2012. — № 2 (3). — С. 75–94.
  15. Ионин, Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л. Г. Ионин. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Логос, 2000. — 430, [1] с.
  16. Каган, М. С. Введение в историю мировой культуры : в 2 т. / М. С. Каган. — Санкт-Петербург : Петрополис, 2003.
  17. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. — Санкт-Петербург : Петрополис, 1996. — 414 с.
  18. Каган, М. С. Человеческая деятельность : (опыт системного анализа). — Москва : Политиздат, 1974. — 328 с.
  19. Колин, К. К. Информация и культура : введение в информационную культурологию / К. К. Колин, А. Д. Урсул. — Москва : Стратегич. приоритеты, 2015. — 299 с.
  20. Кондаков, И. В. К современной философии истории / И. В. Кондаков // Вестн. РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. — 2017. — № 4–2. — С. 221–240.
  21. Кондаков, И. В. Культурогенез «до» культурогенеза (от алмаза к «кошачьей музыке») // Культурология: имя собственное : [сб. ст.] : (к 70-летию Андрея Яковлевича Флиера). — Москва, 2021. — С. 44–65.
  22. Кондаков, И. В. Культурология: история культуры России : курс лекций / И. В. Кондаков. — Москва : Омега-Л : Высш. шк., 2003. — 615 с.
  23. Костина, А. В. Массовая культура как типичная культурная форма эпохи постмодернизма / А. В. Костина, А. Р. Кожаринова // Высшее образование для XXI века : материалы IX Междунар. науч. конф. — Москва, 2012. — С. 50–64.
  24. Костина, А. В. Тернарная функциональная модель культуры / А. В. Костина, Ф. Я. Флиер // Костина А. В. Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса / А. В. Костина, Ф. Я. Флиер. — Москва, 2010. — С. 15–130.
  25. Костина, А. В. Традиционная, элитарная и массовая культура: условия возникновения и особенности функционирования в условиях современности / А. В. Костина // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. — 2011. — № 2 (26). — С. 39–45.
  26. Костина, А. В. Три типа культуры — три функциональные стратегии жизнедеятельности / А. В. Костина, Ф. Я. Флиер // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. — 2009. — № 2 (18). — С. 23–36.
  27. Лотман, Ю. М. Семисфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. — 704 с.
  28. Лурье, С. В. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применение к анализу исторического и этнографического материала / С. В. Лурье. Санкт-Петербург : Тип. им. Котлякова, 1994. — 286 с.
  29. Малыгина, И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии / И. В. Малыгина. — Москва : Согласие, 2018. — 240 с.
  30. Маркарян, Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / Э. С. Маркарян. — Москва [и др.] : Центр гуманитар. инициатив, 2014. — 655 с.
  31. Маркарян, Э. С. Очерки теории культуры / Э. С. Маркарян. — Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1969. — 227 с.
  32. Маркарян, Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции / Э. С. Маркарян // Совет. этнография. — 1982. — № 2. — С. 78–96.
  33. Мид, Дж. Г. Разум, Я и общество / Дж. Г. Разум // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология : реферат. информ.-аналит. журн. — 1997. — № 4. — С. 162–195.
  34. Орлова, Э. А. Адаптационные возможности социального взаимодействия / Э. А. Орлова // Вопр. соц. теории. — 2017. — Т. 9. — С. 151–175.
  35. Орлова, Э. А. Концепция социального взаимодействия в контексте изучения социокультурной микродинамики / Э. А. Орлова // Обсерватория культуры. — 2014. — № 6. — С. 4–16.
  36. Орлова, Э. А. Социология культуры / Э. А. Орлова. — Киров : Константа ; Москва : Акад. проект, 2012. — 574 с.
  37. Пелипенко, А. А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории : учеб. пособие / А. А. Пелипенко. — Москва : МГУКИ, 2010. — 347 с.
  38. Пелипенко, А. А. Постижение культуры : в 2-х ч. Ч. 1. Культура и смысл / А. А. Пелипенко. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 607 с.
  39. Полетаева, М. А. Эволюция представлений о «чужом» / М. А. Полетаева. — Текст : электронный // Культура культуры. — 2020. — № 2. — URL: <http://cult-cult.ru/evolution-of-ideas-about-the-alien/> (дата обращения: 13.10. 2021).
  40. Полонская, И. Н. Традиция: от сакральных оснований к современности / И. Н. Полонская. — Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. гос. ун-та, 2006. — 272 с.
  41. Прикладная культурология : энциклопедия / под ред. И. М. Быховской. — Москва : Согласие, 2019. — 846 с.
  42. Прокофьева, Г. П. Становление категории «Цивилизация» как универсальной единицы анализа исторического процесса : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Г. П. Прокофьева ; Дальневост. гос. ун-т путей сообщ. — Хабаровск, 2001. — 141 с.
  43. Разлогов, К. Э. Художественный процесс и потребность человека в искусстве / К. Э. Разлогов // Вопр. философии. — 1986. — № 8. — С. 84–93.
  44. Стёпин, В. С. Культура / В. С. Стёпин // Вопр. философии. — 1999. — № 8. — С. 61–71.
  45. Сурова, Е. Э. Глобальная эпоха: полифония идентичности / Е. Э. Сурова ; Центр изучения культуры. — Санкт-Петербург : Осипов, 2005. — 347 с.
  46. Флиер, А. Я. Две роли человека в «спектакле культуры» // Знание. Понимание. Умение. — 2017. — № 1. — С. 123–131.
  47. Флиер, А. Я. Добро и зло в культурно-историческом понимании / А. Я. Флиер. — Текст : электронный // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманитар. портал. — 2015. — № 3. — URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Flier_Good-Evil/ (дата обращения: 16.09.2020).
  48. Флиер, А. Я. Культурогенез / А. Я. Флиер. — Москва : РИК, 1995. — 128 с.
  49. Флиер, А. Я. Структура и динамика процессов культурогенеза : автореф. дис. ... докт. филос. наук : 17.00.08 / А. Я. Флиер ; Российский ин-т культурологии. — Москва, 1995. — 42 с.
  50. Флиер, А. Я. Философские пролегомены к нормативной теории культуры / А. Я. Флиер. — Текст : электронный // Культура культуры. — 2019. — № 1. — URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical->

- prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/* (дата обращения: 18.06.2020).
51. Флиер, А. Я. Человек и культура: параметры сопряжённости / А. Я. Флиер. — Текст : электронный // Культура культуры. — 2015. — № 2. — URL: <http://cult-cult.ru/human-and-culture-factors-of-congruence/> (дата обращения: 18.08.2020).
52. Хренов, Н. А. Искусство в исторической динамике культуры / Н. А. Хренов. — Москва : Согласие, 2014. — 747 с.
53. Шапинская, Е. Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации / Е. Н. Шапинская // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 3. — С. 51–56.
54. Яковец, Ю. В. История цивилизаций / Ю. В. Яковец. — Москва : ВлаДар, 1995. — 461 с.

Материал поступил в редакцию 09.08.2023.

Сведения об авторе: Флиер Андрей Яковлевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, профессор Московского государственного лингвистического университета (г. Москва).

Контактные данные: e-mail: andrey.flier@yandex.ru.